

## Охота въ Черниговской губерніи.

---

Въ 1876 году, за недѣлю до масляницы, я пригласилъ къ себѣ двухъ помѣщиковъ, занятыхъ охотниковъ, изъ Лохвицкаго уѣзда, съ тѣмъ чтобы вмѣстѣ отправиться на охоту въ Черниговскую губернію. Далеконько, правда, приходилось намъ ѣхать, но мы предполагали охотиться исключительно на козъ, кунницъ и рысей, которыхъ намъ ближе какъ въ Сосницкомъ уѣздѣ, увидать было негдѣ.

Я охотился и прежде въ лѣсахъ и болотахъ Черниговской губ., точно также, какъ и управляющій мой, тоже отправлявшійся съ нами на охоту, но товарищи наши въ первый разъ покидали широкія степи своей родины и съ нетерпѣніемъ ожидали увидѣть мачтовые лѣса, непроходимые овраги и густой лозой поросшія трясины, почему съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали возможность поскорѣй переселиться въ вагонъ желѣзной дороги, долженствовавшій доставить насъ до Сновской станціи, откуда предполагалось уже пуститься, какъ Богъ приведетъ, въ громадные лѣса Сосницкаго уѣзда. Мѣстность, куда мы предполагали отправиться, была намъ положительно неизвѣстна, а потому мы не могли имѣть увѣренности въ томъ, что найдемъ тамъ гончихъ собакъ, вслѣдствіе чего и рѣшено было взять съ собой хоть одинъ смычекъ надежныхъ гончихъ, чтобы, въ случаѣ отсутствія въ той мѣстности охотниковъ, а потому и охотничьихъ собакъ, не остаться на бобахъ. Когда наконецъ были окончены всѣ сборы, мы выѣхали послѣ вечерняго чая на станцію и, просидѣвъ 7 часовъ въ вагонѣ, переселились въ Сновскій вокзалъ.

Было около пяти часовъ утра. Хотя до свѣта оставалось еще добрыхъ два съ половиною часа, однако пора было подумать, какъ добраться до завѣтныхъ болотъ и лѣсовъ, подальше отъ шума и свиста локомотива. Мы договорили двухъ мужичковъ, подвозившихъ

дрова на вокзалъ. На утро дровнишки оказались маленькія, мужиченки хиленькіе, лошаденки съ теленка роста и съ свиной шерстью.

Разсѣлись мы попарно на дровни и двинулись въ путь. Темень на дворѣ стояла страшная; морозъ къ утру сталъ крѣпчать. Два раза опрокидывались мы въ мелкій и рыхлый снѣгъ, но оба паденія обошлись безъ увѣчья, только набрали полные стволы снѣгу. Мужики оказались, какъ всѣ мужики Черниговской губерніи, если что не касается ихъ лично, того они не знаютъ и не вѣдаютъ. И лѣсовъ-то они своихъ не знаютъ, и есть-ли въ лѣсахъ дичь — птица или звѣри—тоже не знаютъ, и можно-ли безъ разрѣшенія владѣльцевъ охотиться въ лѣсахъ—не знаютъ; и, наконецъ, гдѣ живутъ владѣльцы лѣсовъ, здѣсь у себя, или въ отлучкѣ гдѣ—тоже не знаютъ.

Началъ заниматься свѣтъ и глазамъ нашимъ стали представляться сначала лишь очертанія отдѣльныхъ группъ и цѣлыхъ сплошныхъ массъ громаднхъ деревьевъ, потомъ контуры этихъ столѣтнихъ великановъ стали дѣлаться все яснѣе и яснѣе, и наконецъ совсѣмъ разсвѣло.

Куда-бы мы ни взглянули, всюду взоръ нашъ встрѣчалъ громадныя вѣковыя сосны и ели, и въ рѣдкихъ мѣстахъ, за исключеніемъ дороги, сквозь хвой деревьевъ, мы могли видѣть отдѣльные клочки сѣроватаго неба. Дорога была малоторная; змѣйкой вилась она между деревьевъ, и то пересѣкала маленькіе замерзшіе ручейки, чрезъ которые набросаны были для проѣзда тонкія жерди, то вела между болотъ, густо поросшихъ особаго рода лозою, кору съ которой мужики сдираютъ на продажу, а голые побѣги оставляютъ сохнуть на мѣстѣ; послѣднее дѣлается потому, что ежели ихъ срубить, то лоза начинаетъ будто-бы плохо расти и наконецъ совсѣмъ перестаетъ; такимъ образомъ будто-бы изсякаетъ источникъ доходовъ и значительнаго заработка многихъ семействъ.

Лоза, которую не рубятъ, а только обдираютъ кору, растетъ чрезвычайно густо, къ тому же и ободранныя деревца не успѣваютъ за годъ сгнить и упасть; все это вмѣстѣ дѣлаетъ то, что на пространствахъ, поросшихъ такой лозой, съ трудомъ можетъ продраться лисица, а ужъ собаку заставить пролѣзть въ средину лозы положительно невозможно. Зато подобныя мѣста служатъ любимымъ мѣстопребываніемъ медвѣдя; онъ очень охотно ложится здѣсь, проломавъ обыкновенно себѣ дорожку, по которой исключительно только и ходить \*). Болота эти бывають обыкновенно очень мало-

\*) Въ Сосницкомъ уѣздѣ, медвѣдь довольно рѣдокъ, но крайней мѣрѣ въ той мѣстности, гдѣ мнѣ приходилось охотиться.

топки, иногда почти сухи, и только по своей непроходимости называются мѣстными жителями *болотами*. Иногда эти болота занимаютъ значительныя пространства, и обходить ихъ на охотѣ бываетъ довольно затруднительно. По такой-то мѣстности извивалась дорожка, по которой мы, со скоростью добраго пѣшехода, помаленьку двигались впередъ. Частенько мы таки и дѣйствительно превращались въ пѣшеходовъ, такъ какъ руки мерзли и ноги коченѣли.

Но вотъ мелькнула избушка, какъ въ сказкахъ говорится, на курьихъ ножкахъ. — Ура! Шинокъ! Приваль! закричали мы въ одинъ голосъ. Ъсть хотѣлось смертельно, да и устали порядкомъ — прилечь бы куда какъ недурно!

Возницы охотно подворачиваютъ къ бѣдной покосившейся избенкѣ, и мы, словно торжествуя побѣду, похлопывая руками, вбѣжали въ хату къ шинкаркѣ еврейкѣ. Мигомъ явилось на столъ вонючая водка, съ неизбѣжной жидовской булкой, цвѣта *gris de perles*. Тутъ все сходить съ рукъ, ничѣмъ не брезгается, все уничтожается. Закусивъ, чѣмъ пришлось, мы легли на грязныхъ скамьяхъ шинковаго заведенія.

Бѣдность, доходящая до нищеты, поражаетъ всѣхъ въ шинкахъ и заѣздныхъ домахъ Черниговской губ. Кажется, и лѣсу кругомъ много, а избы сдѣланы всегда изъ такого матеріала, что толкни хорошенько плечомъ — рухнетъ вся постройка. Кажется и торговля бойко производится, — добрые люди не меньше пьютъ здѣсь, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, — а бѣдность кругомъ неисходная, грязь невылазная, вонь такая, что за версту кругомъ слышно. Блохъ, клоповъ, вшей, таракановъ — обери только Господи! Жидъ Черниговской губ. хоть и менѣе развитъ и образованъ, чѣмъ въ другой какой-либо мѣстности обширной Россіи, но все еще туда-сюда, что же касается до мужика... Ну, да объ этомъ впрочемъ послѣ.

Былъ полдень, когда мы двинулись опять въ дорогу. Предстояло намъ сдѣлать еще верстъ десятокъ, чтобы добраться до значительнаго селенія, откуда мы рѣшили предпринимать наши охотничьи набѣги. Мѣстность стала дѣлаться болѣе открытой. Широкая рѣка пересѣкала нашу дорогу. Какая прелесть эти рѣки Черниговской губерніи! Даже зимой, когда не видать самой рѣчки, когда она покрыта гладкой и ровной пеленой снѣга, всякій все-таки невольно залюбуется мѣстностью, по которой течетъ она, — прихотливыми изгибами пролегающей по ней дороги, пологими берегами, гдѣ прошла эта грязноватая дорожка, покрытая мѣстами желтоватыми пятнами конскаго навоза, съ закатами вправо, съ ухабами влѣво, и безконечной извилистой линіей впереди. Зимняя дорога, да еще

идущая лѣсомъ, восторгомъ наполняетъ всегда мою душу, не говоря уже о дорогѣ, идущей безконечными лѣсами Черниговской губ. Тутъ такъ много жизни, тутъ столько поэзіи! — Какъ-бы ни усталъ человѣкъ, какъ-бы ни хотѣлось ему спать, но если онъ охотникъ и любитель природы — онъ не уснетъ проѣзжая сосновымъ или еловымъ лѣсомъ, будетъ-ли то зимою или лѣтомъ, напротивъ, онъ не будетъ знать на чемъ остановить свой взоръ. Невольно любуешься и громадными, прямыми деревьями, съ густыми хвойными кронами, и населяющими лѣсъ разнообразными живыми существами. Подъ широко раскинувшейся елью виднѣется, точно отпечатанный, маликъ зайчишки; неподалеку онъ и петли надѣлалъ; встать-бы съ саней—взбудить косоглазаго. Но глядишь—ужъ проѣхалъ; круто повернувъ за толстой сосной, легонько ударились на закатѣ откосами дровнишки, и щепотка бѣлаго, какъ алебастръ, снѣга, свалилась вамъ на шапку. Впрочемъ это отнюдь не отъ нашего, ничего незначущаго для сосны, толчка. Нѣтъ. Шаловливая бѣлка заметалась на деревѣ, и тамъ подальше вотъ осыпаетъ она уже крупныя хлопья повиснувшаго на столѣтнихъ сукахъ снѣга. — Старая каналья! вырвется невольно вслухъ, и начнешь переряжать ружье полузарядомъ бекасинника.

Прозвучалъ выстрѣлъ и, выражаясь устарѣлымъ языкомъ поэтовъ, — дѣвственный снѣгъ окрасился струйкой алой крови жертвы, только тѣмъ и повинной, что она носить красивую шубку. Эхъ далеко разнесло зловѣщій звукъ выстрѣла... Взлетѣлъ тетеревъ, захлопалъ крыльями надъ самой моей головой притаившійся было рябчикъ \*); вотъ проведешь его стволами ружья, а онъ успѣлъ уже скрыться за густыми хвоями деревьевъ; ринешься за нимъ, но голосъ подводчика во время удерживаетъ охотничій пылъ и, взволнованный, вновь садишься на дровни своего возницы.

Широко и оригинально раскинулись курныя избушки деревни—конечной цѣли нашего путешествія.

Деревня насъ удивила. Мы привыкли видѣть въ Черниговской губ. деревни съ громаздящимися другъ на друга хатами, какъ-будто условившимися между собою вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать: коли загорится одна, сгорятъ всѣ за компанію до тла. Что за бѣда? Лѣсу много кругомъ, есть изъ чего построить новыя!.. Наша деревня

---

\*) Въ сентябрской книжкѣ „Природа и Охота“ 1878 г. въ статьѣ, подъ заглавіемъ „Нѣсколько замѣчаній объ охотѣ въ Россіи“, сказано, что рябчикъ водится только до 56° сш. Смѣю увѣрить почтеннаго автора, что рябчикъ въ Западной Россіи водится въ изобиліи на пять градусовъ южнѣе.

была иного характера: съ громадными пространствами для дворовъ и огородовъ, съ выстроенными по плану, хотя и неказистыми, домами, съ вытянутыми въ линію улицами, раскинулась она на широкое пространство. Дѣло въ томъ, что когда уже слухъ прошелъ объ освобожденіи крестьянъ, князь, обладатель этой деревни, не вѣря въ возможность осуществленія этой реформы, приказалъ, въ одно прекрасное утро, всѣмъ крестьянамъ выбратся съ деревни, а деревню поджечь съ четырехъ концовъ; на мѣстѣ же этого пепелища, въ одно лѣто, съ помощью крѣпостныхъ рукъ и пригнанныхъ рабочихъ съ другихъ деревень—воздвигнуто было новое селеніе, по личному вкусу князя и по плану, сдѣланному нанятыми землебрами, благо лѣсомъ Господь не обидѣлъ и наслѣдственные помѣстья не успѣли еще перейти въ руки назойливыхъ кредиторовъ.

Нетрудно найти пріютъ для охотниковъ. Любая изба и—помѣщеніе готово. Мы остановились у бывшаго княжескаго прикащика, прогнаннаго княземъ за плутни; прикащикъ этотъ жилъ въ селѣ почище другихъ.

Рѣшено было на другой день отправиться пораньше версты за двѣ, въ другое селеніе, и попросить управляющаго огромнымъ участкомъ лѣса, принадлежавшаго нѣсколькимъ владѣльцамъ, разрѣшенія охотиться въ его дачахъ; кромѣ того просить о собакахъ и знающихихъ лѣсъ проводникахъ.

Чуть свѣтъ дожидались насъ договоренныя съ вечера подводы и мы двинулись въ путь. Погода для охоты стояла неудобная. Морозъ былъ градусовъ въ 10 и дулъ немалый сѣверный вѣтеръ. Мы считывали впрочемъ, что въ лѣсу будетъ теплѣй, а вѣтеръ совсѣмъ не будетъ ощутителенъ.

Любезно и радушно предложилъ намъ управляющій полное свое содѣйствіе, предложилъ пару сошедшихъ съ поля тощихъ гончаковъ, отъ которыхъ мы тоже любезно отказались, и восемь человѣкъ лѣсниковъ съ ружьями и безъ ружей, знающихъ прекрасно мѣста для охоты и самый лѣсъ. Это насъ гарантировало отъ возможности заблудиться.

Бодро и бойко зашагали мы по сыпучему снѣгу высокаго, но рѣдкаго лѣса. Дорогой намъ служили слѣды, оставляемые лаптями восьми человѣкъ лѣсниковъ, шедшихъ впереди. Шествіе замыкалъ я, и за мной Зарудный. На смычокъ я вель единственную мою пару гончихъ. Собачки порывались впередъ, но я ихъ удерживалъ. Тамъ и сямъ попадались намъ слѣды то зайца, то лисицы, то дикихъ козъ, по большей части старые, да и вблизи усадьбы намъ не хотѣлось бросать собакъ.

Лѣсники заспорили между собой куда направить шествіе и каждый тащилъ насъ въ свою сторону, туда, гдѣ по его предположенію былъ самый водъ всякаго звѣря и дичи. Мы однако замѣтили сразу, что ни одинъ изъ нихъ ничего не знаетъ и въ охотѣ ни бельмеса не смыслить.

Чтобы прекратить наконецъ ни къ чему не ведущіе споры, я бросилъ моихъ прекрасныхъ и надежныхъ собакъ. Завизжали добрые псы и бросились въ разныя стороны. Длиннымъ гуськомъ, подсвистывая и подзадоривая собакъ, растянулись мы по лѣсу. Вотъ и слѣды дикихъ козъ. Слѣды все утренніе, да и немало ихъ. Только лишь кто-то изъ насъ сталъ наманивать на слѣды собакъ, какъ тявкнулъ мой вѣрный Воронокъ, мигомъ подвалилъ къ нему Трезоръ и заварили—что твоя цѣлая стая!

Быстро и проворно понеслись передовые впередъ и больше чѣмъ на версту перерѣзали всю мѣстность. Я кивнулъ Зарудному остаться на мѣстѣ, а самъ прошелъ шаговъ тридцать впередъ. Гонъ обошелъ насъ кругомъ и видимо шель теперь по направленію между мною и Заруднымъ. Но вотъ гонъ становится яснѣе, идетъ ближе... какъ будто на меня поворачиваетъ. Собаки, отроду не гнавшія дикихъ козъ, какъ-то яростно захлебываются.—Эге! Да это и впрямь гонять козу! Но гдѣ-жъ она? Плотно прижался я къ толстой соснѣ, отъ ожиданія и волненія крѣпко сжимая стволъ ружья... Но вотъ слышенъ шорохъ... скачекъ... другой... и я ясно вижу прямо направляющагося на меня стараго козла. Какъ граціозны скачки! Что за повороты головы! Какія движенія! За каждымъ прыжкомъ онъ останавливается и поворачиваетъ голову въ сторону собакъ.

Онъ у меня на цѣли. Стрѣлять, или еще полюбоваться имъ? Но вдругъ раздается выстрѣлъ и мгновенно другой. Козель поворачиваетъ круто назадъ и я пускаю ему въ бокъ зарядъ двухнольной. Онъ далъ прыжекъ и скрылся въ кустарникѣ.

„Заражена! Заражена!“ \*) кричитъ одинъ изъ лѣсниковъ, неизвестно откуда вылѣзшій, и опрометью бросается вслѣдъ за козломъ. На выстрѣлы прибѣжали собаки. Обнюхали кругомъ умныя животныя и понеслись вслѣдъ за раненымъ. Шагахъ въ двадцати отъ насъ, мы услышали крикъ лѣсника: „Вонъ, пошла! вонъ!“ Мы бросились туда. Лѣсникъ сидѣлъ на козлѣ и торжественно, оскаливъ зубы, гоготалъ громкимъ басомъ.

А вотъ и вся наша компанія подбыла.

---

\*) Ранена.

— Ну, кто убилъ, господа?

— А кто его знаетъ!

Я утверждаю, что я. Мнѣ сильно оппонируютъ и доказываютъ, что и Зарудный не изъ плохихъ стрѣлковъ, рѣдко даетъ промахи по птицѣ, а по козлу и подавно не дастъ, да и нога задняя почти-что вся разбита въ дребезги, должно быть картечью.

— Да вы чѣмъ стрѣляли? спрашиваетъ онъ меня.

— Двухнольной дробью.

— Ну а я билъ картечью, значить дѣло разслѣдовать можно и дома.

— Нѣтъ, постойте господа, кипячусь я, — вѣдь я на тридцать шаговъ билъ, не могъ же и я чуть-ли не по стоячей козѣ промахнуться?! Давайте шаги мѣрять. Зарудный вѣдь стрѣлялъ за версту.

— Шаги мѣрять пойдѣмъ, а ногу-то моя картечь раздробила— это вѣрно!

Пошли мѣрять. Оказалось, что я стрѣлялъ на 35 ш., Зарудный же хватилъ прекраснымъ своимъ Мортимеромъ на 83.

— И на кой-чортъ вы палили такъ далеко изъ вашего фальконета?

— А чего-жъ бы я ждалъ? Вижу козель лѣзетъ вамъ прямо на стволъ. Думаю себѣ: Мортимеръ мой—надежная фузея, дай пальну, не дожидаясь вашего выстрѣла. Ну и пальнулъ! а теперь вижу, что хорошо сдѣлалъ, такъ какъ раздробилъ козлу ногу.

— Ну это еще бабушка на двое сказала! Однако тащите кто-нибудь козла домой, а мы отправимся дальше.

Двинулись мы опять, прошлялись до поздняго вечера, да что-то неудачно. Много гоняли собаки, да только то перебѣжать не удавалось, то круги дѣлали козы такіе, что, соскучившись стоять на одномъ мѣстѣ, двинешся впередъ, пройдешь шаговъ полтора-два, глядь, анъ коза прошла по самому вашему слѣду. То лѣсники и перебѣгутъ, да при видѣ козы цѣлиться начинаютъ за версту, а приблизится коза—не стрѣляютъ, говорятъ, что за деревомъ стояла, или кустами шла.

— Такъ что-жъ, господа, такъ съ порожними руками и домой пойдѣмъ?

— А что-жъ дѣлать? Ну давайте стрѣлять бѣлокъ. Вонъ я дуло вижу. Навѣрное сидитъ тамъ красавица.

— А ну!

Едва вы проведете небольшой вѣтвью по стволу дерева, гдѣ предполагаете бѣлку, какъ сѣренькій чертенокъ уже выскакиваетъ и не отскочивъ даже на аршинъ отъ дула, садится на вѣтку, а

иногда и просто держась за кору ствола древеснаго, начинает порскать (?) на васъ, думая испугать, и то подпрыгивая всѣми четырьмя ногами заразъ, поворачивается вправо, то влево, пристально оглядывая васъ и очень рѣдко когда уходитъ.

Раздался выстрѣлъ и бѣлка полетѣла съ дерева.

— Да и жирная-жъ, каналья!

— А что, ты развѣ ѣсть собираешься, что ощупываешь ее такъ?

— А то выкинуть, что-ли?..

— Неужели ихъ ѣдятъ у васъ?

— Да развѣ вы никогда не ѣли? Ну, у насъ попробуйте. Чистые орѣхи!

Штукъ шесть убили мы ихъ и этимъ закончили день. Ни тетерева, ни рябчика не удалось намъ найти, хотя, какъ намъ рассказывали лѣсники, водится ихъ тамъ немало. Придя на квартиру, мы освѣдомились у хозяина, правда-ли, что бѣлокъ ѣдятъ мѣстные жители.

— Эге! Да какія онѣ еще вкусныя! Вотъ сами увидите сегодня. Ободрать ихъ—пять минутъ. Къ ужину поспѣютъ.

Дѣйствительно, бѣлокъ обдираютъ черниговцы чрезвычайно скоро. Снимаютъ шкурку начиная со рта, не дѣлая при этомъ ни малѣйшаго разрѣза. Когда шкурку обдерутъ до лба, то начинаютъ дуть подъ кожу и впустивъ туда воздуху, закрываютъ отверстіе и мнутъ бѣлку въ рукахъ. Кожа послѣ этого снимается, какъ чулокъ съ ноги. Приѣмъ, однимъ словомъ, тотъ самый, который употребляютъ петербургскіе мясники на бойнѣ съ телятами. Я видѣлъ тамъ, что искусный мясникъ успѣваетъ, если захочетъ, зарѣзать и снять кожу съ теленка втеченіи пятнадцати минутъ. Воздухъ только впускается подъ кожу, черезъ прорѣзъ, сдѣланный на задней ногѣ.

Бѣлки поспѣли къ ужину. Подали намъ на деревянной тарелкѣ несчастныхъ шесть покойниковъ. Смѣхъ возбудилъ въ насъ ихъ жалкій видъ. Точно ободранныя крысы лежали передъ нами бѣлки съ вытянутыми вверхъ, какъ колышки, ногами, съ разинутыми ртами, точно пощады просили у неумолимыхъ своихъ тирановъ, и видъ имѣли ужасный. На вкусъ оказались однако прекрасными. Трудно рѣшиться было ихъ попробовать; но разъ у васъ хватило на это мужества — и вы должны были признать за ними всѣ достоинства вкусной дичи. Мясо бѣлое и сочное, напоминаетъ собою вкусъ орѣховъ. Былъ, какъ мнѣ показалось, запахъ, но это потому, что имъ не дали вылежаться и не вымочили ихъ предварительно, а будь онѣ приготовлены опрятно, красиво нарѣзаны и хорошо сервированы, то



были бы по вкусу не изъ худшихъ блюдъ. Во всякомъ случаѣ мясо бѣлки я охотно промѣнялъ бы на мясо нашей дрохвы.

— Что-жъ, господа, козу-то осматривать? напомнилъ намъ Зарудный.

— И впрямь, давайте снимаемъ кожу, да выпотрошимъ.

Сняли кожу и оказалось, что весь зарядъ мой попалъ въ бокъ, но и Зарудный влѣпилъ на вылетъ двѣ картечи въ шею, такъ что слѣдовало предполагать и ногу козлу онъ раздробилъ.

— Вотъ и толкуйте, господа, что коза слаба на рану! Какъ вѣдь изрѣштели, а не сдалась сразу. Прошла еще шаговъ двадцать.

— А смотрите-ка, господа, вотъ и задъ порванъ собаками, значить онъ ее осадилъ. Стало-быть безъ ихъ помощи, она прошла бы еще дальше.

Морозъ завернулъ съ вечера пуще прежняго. Къ утру его оказалось градусовъ восемнадцать. Вѣтеръ дулъ съ силой, такъ что трудно было рассчитывать, чтобы гоньба была слышна. Однако, это не удержало насъ дома. Придя въ лѣсъ, разбрелись мы кто куда попало. Я только, какъ и прежде, шелъ съ Заруднымъ, славнымъ малымъ и прекраснымъ товарищемъ.

Гонъ былъ слышенъ очень дурно, какъ и слѣдовало ожидать. Охотились мы недолго. Видѣли очень близко козу, но она ушла нетронутой. Холодъ положительно гналъ насъ изъ лѣсу домой, куда мы и потянули. Собаки, долго вертѣвшіяся возлѣ насъ, опять погнажи. Я поотсталъ немного отъ другихъ и слышу, что собаки гонять чуть-ли не по зрячей козѣ. Впрочемъ это была не коза, а очень небольшой козленокъ. Какимъ образомъ въ февралѣ мѣсяцѣ онъ могъ быть такимъ маленькимъ—трудно рѣшить. Должно быть изъ очень поздней „котьбы“. Шагахъ въ сорока скакало отъ меня бѣдное, перепуганное животное. Просто жалъ стало стрѣлять сто и я закинулъ ружье за плечо. Тоже самое сдѣлалъ и Зарудный, на котораго выскочилъ этотъ же козленокъ.

Придя домой, мы насилу могли отогрѣть окоченѣлые члены.

— Что-жъ это будетъ, господа? Вѣдь въ такой собачій холодъ нельзя охотиться! замѣтилъ мой управляющій.

— Такъ что-жъ по вашему домой ѣхать? А купицы? А рыси?

— Ну, посидимъ дома по крайней мѣрѣ, попробуемъ, не переждемъ-ли морозовъ.

Дня два просидѣли мы дома, но морозы не прекращались. На третій день рѣшено было во чтобы то ни стало идти опять на охоту и мы приказали лѣсникамъ тащить насъ прямо въ мѣста, гдѣ водятся рыси и куницы. Лѣсники увѣряли насъ, что по этимъ мѣстамъ мы

не пролѣземъ, но мы остались непоколебимы въ нашемъ рѣшеніи. Дѣйствительно, на другой день насъ завели въ страшныя трущобы.

Рысь держится, какъ и куница (покрайней мѣрѣ въ лѣсахъ Черниговской губ.) въ мѣстахъ исключительно изобилующихъ валежникомъ, буреломами, и въ страшныхъ гущакахъ.

Поваленныя бурей и отъ старости деревья, перекрещивались по всѣмъ направленіямъ. Трудно было положительно подвигаться впередъ; нѣкоторыя же мѣста, за массой поваленнаго лѣса, были буквально непроходимы.

Слѣдовъ куницъ и хорьковъ мы видѣли много. Правда, слѣды большей частью были старыя, но все-таки это доказывало, что въ этой мѣстности звѣри эти водятся. По свѣжимъ попадавшимся намъ слѣдамъ не было однако никакой возможности добратъ къ нимъ за грудями валежника. Собаки куда-то запропастились и положительно не гнали. Козьихъ слѣдовъ мы не видали ни одного; лисьихъ очень мало.

— Но что вотъ это за слѣдъ? круглый, большой, точно кто въ лаптѣ прошелъ... Подзываю лѣсника. Спрашиваю.

— Это рысь и есть! Наманивайте собакъ скорѣй!

Я сталъ сзывать охотниковъ и собакъ; но охотники меня не слышали, а собаки не являлись.

Пошелъ я по слѣду самъ. Праведное небо! Куда только слѣдъ этотъ не вель? То онъ идетъ по поваленному дереву, то видѣнъ скачекъ и онъ идетъ уже подъ полусгнившей сосной, проходить подъ вывернутымъ пнемъ и ведетъ прямо въ кустъ какой-то калины—не калины, ежевики—не ежевики, да только туда, куда и самъ чортъ не пролѣзетъ!

Весь ободрался я, перелѣзая черезъ пни и мнѣ надоѣла эта безплодная работа. Вижу вдругъ, явился мой Воронокъ и сталъ припадать сильно.—„А ну его! А ну его! Подыми, подыми!“—и мой Воронъ пошелъ голосомъ, по тому самому слѣду, по которому я шелъ. Подвалилъ Трезоръ и заварили гонъ!

Я бы сказалъ, что бѣжалъ за ними,—но нѣтъ, я ползъ за ними, то подъ деревьями, сваленными временемъ, то перескакивая черезъ пни, то дѣлая возможно удобнѣйшіе обходы кругомъ. А собаки все жарче и жарче гонять! Наконецъ я зашелъ въ такое мѣсто, что хотѣ садись, да и плачь! Какъ евреи: „на рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сидеху и плакаху, повѣсивши лиры на ивахъ прибрежныхъ“, такъ и мнѣ приходилось повѣсить ружье на сукѣ и залиться горькими, горячими слезами.

Ногъ подъ собой не чувствую; спина ломитъ отъ усталости;

губы, точно изъ старой резины сдѣланныя, какъ-то глухо шлепаютъ; органъ обонянiя вышелъ совсѣмъ изъ должнаго повиновенiя и безпрестанно напоминалъ мнѣ о своемъ существованіи; ноги какъ деревянные (а собаки все гонятъ!), руки, что твои грабли; проклятая лисья венгерка будто укусомъ подбитая, перестала грѣть окончательно, а тутъ — ни кругомъ, ни около ни души! Ни одного лица человѣческаго не только не видать, но и не слышать! (А собаки все гонятъ).

Стою на мѣстѣ, какъ школьникъ передъ экзаменаторомъ. Гляжу назадъ — и слѣды-то свои вижу, да глазамъ своимъ не вѣрю, что я проходилъ этимъ мѣстомъ. Просто страхъ напалъ какой-то: ни взадъ — ни впередъ! А тутъ и трубы не слышать давно уже. Хоть-бы трубили, подлецы!

До солнечнаго заката оставалось не больше часа, такъ что, еслибъ я пошелъ по своему старому слѣду обратно, то никоимъ образомъ не могъ домой дойти. Однако я рѣшилъ слѣдовать именно этимъ слѣдомъ. Бросилъ и собакъ слушать, бросилъ и о рыси думать, которую собаки загнали вѣроятно на какое-либо кривое дерево и зашагалъ насколько возможно скорѣе домой.

Не прошелъ я и версты, какъ попался мнѣ навстрѣчу дуракъ-лѣсникъ, посланный товарищами меня отыскивать. Заложилъ онъ себѣ глотку короткой носогрѣйкой (по тамошнему — сукъ), и не желая кричать, какъ собака сослѣживалъ меня.

Еле дыша отъ усталости и холода вернулись мы домой.

Оказалось, что и лѣсникъ одинъ, слыша гонъ, началъ приближаться къ собакамъ, но никоимъ образомъ не могъ добраться, какъ ему показалось, до *лая* собакъ. Очевидно рысь вскочила на дерево и собаки лаяли на нее.

Рыси въ Сосницкихъ лѣсахъ водятся не повсемѣстно, также и куница. Онѣ любятъ очень укромныя и чрезвычайно глухія мѣста. Въ той мѣстности, гдѣ мы охотились, намъ указали только на два мѣста. Одно — это княжескій лѣсъ, гдѣ княземъ строжайше запрещено не только охотиться, но даже гулять, или грибы брать лѣтомъ, гдѣ не имѣютъ права стрѣлять и лѣсники. Самъ-же князь не охотникъ и ружья не бралъ никогда въ руки. Ни дичь, ни звѣри въ этомъ большомъ лѣсу не распугиваются. Другое мѣсто — это громадный мачтовый лѣсъ, принадлежащій нѣсколькимъ владѣльцамъ; по своей густотѣ и непроходимости, онъ не посѣщается даже и лѣсниками. Да и нѣтъ имъ въ томъ надобности. Работъ тамъ никакихъ не производится, а красть никто не пойдетъ изъ такой мѣстности, гдѣ не только нельзя вывезти украденнаго, но

даже и пролѣзть туда самому. Для воровства есть много другихъ, болѣе удобныхъ мѣстъ.

За рысью-же никто не охотится тамъ. Мѣстныхъ, настоящихъ охотниковъ нѣтъ; мужички-же—стрѣльцы—не охотятся, разъ—потому, что это сопряжено для нихъ съ извѣстной опасностью; а, вторыхъ, что и трудъ, и рискъ дурно оплачиваются. Я спросилъ хозяина нашего, что платятъ здѣсь за рысью кожу?

— Видите-ли, цѣна настоящихъ здѣсь на нее не имѣется. На прошлой нашей ярмаркѣ, мужики штуки четыре вынесли. Просили сначала по 6 р., а потомъ отдавали за 2 р.; но и то никто не давалъ. Это не то, что куница. За куницу, глядя по добротности шкурки, платятъ иногда 6 р., а зачастую доходить цѣна ей и до 12 р.

— Ну, а за зайца почему платится?

— Бѣлякъ 8—10 к. за шкурку, а русакъ (онъ у насъ рѣдокъ) зимой 25 к.

— А бѣлка, какъ стоитъ у васъ?

— Хорошая зимняя 3 к. Рѣдкій купецъ за хорошую даетъ 5 к.

— Ну, а тушка убитой козы что стоитъ?

— Лѣтомъ у насъ не бьютъ козъ. Не потому чтобы мужикъ не хотѣлъ ихъ бить, а потому что невозможно ему подойти къ ней. Вездѣ валежъ, съ лошадыю не подъѣдешь. Бываютъ у мужичковъ лѣтомъ козы только какъ-нибудь случайно. Зимой — другое дѣло. На санкахъ подъѣхать легко къ пей, половица валежу покрыто глубокимъ снѣгомъ. На тридцать шаговъ съѣдешь. Стоитъ, смотреть на тебя, только жевать перестанетъ. Любую выбирай изъ стада и стрѣлай. Лошади не боятся. Зимой по два рубля за штуку платятъ.

— Что, господа, не двинемся-ли завтра въ обратный путь?—прервалъ я словоохотливаго хозяина.—Вѣдь морозы не унимаются, да и лѣсники всѣ ходятъ пьяные, по случаю начала масляной, того и гляди, кому-нибудь влѣпять зарядъ въ затылокъ.

— Богъ съ вами! Что вы, зачѣмъ домой ѣхать?!

— Ладно, господа, быть по вашему! останемся еще на день, но только чтобы это былъ послѣдній день нашей неудачной охоты въ здѣшнихъ мѣстахъ. Я вовсе не желаю упустить блиновъ дома. Согласны?

— Да нечего дѣлать! Тутъ вы настаиваете, а тамъ морозы давятъ,—приходится соглашаться!

— Завтра будетъ полегче для насъ охота. Управляющій вѣдь собрался доставить насъ на лошадахъ, до дехтярнаго своего завода, а тамъ, возлѣ самаго завода, говорятъ, самый козлиный водъ и есть.

— Прекрасно! Кстати и заводъ и осмотримъ. Хоть практически изучимъ дегтярное производство, сказалъ я.

— Ужъ не дегтярный-ли заводъ думаете открыть на степи у себя?

— Нѣтъ, а всякое знаніе, говорить, нелишнее есть для человѣка.

— Правду говорить! Вотъ и я знаю, что сапоги свои вымажу завтра дегтемъ прекрасно.

— А не поѣсть-ли, господа, солененькихъ рыжиковъ, да не завалиться-ли спать?

На другой день погода стояла солнечная, ясная, тихая, но до крайности морозная. Повезъ насъ управляющій на заводъ свой.

— Позвольте осмотрѣть пожалуйста вашъ заводъ. Вѣдь у васъ, говорить, много сдѣлано усовершенствованій по этой части?

— Съ удовольствіемъ, любезно отвѣчалъ управляющій, и мы отправились въ заводъ.

— Вотъ изволите-ли видѣть, рассказывалъ онъ мнѣ, идетъ добрый деготь. Посмотрите, какъ онъ чистъ, какой великолѣпный темнозеленый цвѣтъ. А вотъ видите-ли эти жирные кружки, плавающіе въ изобиліи поверхъ дехта? Это скипидаръ. Только разумеется не очищенный.

Я взглянулъ на рыштакъ и, точно, замѣтилъ въ изобиліи плавающій скипидаръ. Мы подошли къ мѣсту, куда стекаетъ изъ рыштака, капля по каплѣ, а иногда и цѣлой струей, чистый деготь. Это была широкая кадъ, въ поларшина вышины; стояла она на землѣ.

— А что если-бы намъ сапоги вымазать дегтемъ?

— Это желаніе можно исполнить сейчасъ-же, любезно проговорилъ управляющій и тутъ-же позвалъ человѣка. Начали мазать мнѣ первому.

— Э! Да что тутъ долго церемониться! сказалъ я. — Просто можно стать ногой въ эту низенькую кадъ—и дѣлу конецъ.

Я принялъ ногу съ края кади и довольно быстро опустилъ ее въ деготь. Вдругъ раздался мой крикъ и я полетѣлъ въ горячую жидкость по поясъ. По счастью стоялъ возлѣ меня мой управляющій и сильной рукой выхватилъ меня за шиворотъ.

— Вотъ такъ хватили! подсмѣивались надо мной мои товарищи.—Вотъ, что называется *изучать на практикѣ дегтярное производство!* Ну, мнѣ кажется, что это знаніе вамъ совершенно лишнее.

— Да, господа, я изучилъ! Совѣтую и вамъ попробовать! отгрызался я, улепетывая скорѣе въ хату.

Дѣло-то вышло оттого, что поларшина кади было только *надъ* землею, а вся кадъ, вмѣстимостью до восьмидесяти ведеръ, вкопана была въ землю и, по мѣрѣ наполненія ея, въ ней подкачивали

бочки и наполняли ихъ, выбирая деготь изъ кади особыми черпаками.

Полный, такъ сказать, горячаго дегтя, сконфуженный, отправился я въ избу выливать изъ сапогъ и выжимать изъ платья полезную, но въ этомъ случаѣ, непріятную для меня жидкость.

Кое-какъ приведя въ порядокъ, насколько это было можно, мой охотничій костюмъ, мы все-таки отправились не домой, а въ лѣсъ. Но недолго мы ходили. Лѣсники были пьяны до безобразія, затѣяли между собою ссору; къ тому-же, морозъ душилъ страшно: платье мое стало на мнѣ коломъ, и мы, съ пустыми руками, припуждены были вернуться домой. Отъѣздъ нашъ на другой день былъ рѣшенъ. Подъ вечеръ мы двинулись въ обратный путь.

Солнце уже начинало совсѣмъ садиться, когда мы проѣхали верстъ пять и подъѣзжали къ полю, ярко освѣщенному послѣдними лучами заходящаго солнца. Глядимъ — мчится къ намъ навстрѣчу, во всѣ лопатки, — прематерый русакъ. Мигомъ повыскакали мы изъ саней и отсалютовали ему восемью зарядами. Пошелъ заяцъ! Послѣдній стрѣлялъ Зарудный. Бросились собаки на смычку за зайцемъ и никакіе крики наши не могли остановить ихъ. Мы пришли въ отчаяніе. — Неужели надобно будетъ лишиться такихъ добрыхъ собакъ?

Становилось темно. Собаки могли запутаться гдѣ-нибудь за деревья и неминуемо погибнуть. Но не почевать-же было среди лѣса и не трубить-же цѣлую ночь?! Да еще вернулись-ли бы онѣ, будучи на смычкахъ?

Однако пока еще не совсѣмъ стемнѣло, мы бросились на поиски за ними въ лѣсъ. Представьте же себѣ нашу радость, когда шагахъ въ пятидесяти, мы нашли запутавшихся за кустъ собакъ, и тутъ-же лежащаго, молодецки погибшаго зайца.

— Ай-да Зарудный! А интересно знать насколько шаговъ онъ стрѣлялъ?

*Промѣрили шаги. Оказалось 90. Дома мы нашли двѣ картечи — одну въ ляжкѣ, другую въ паху. Дробины не было ни одной, кромѣ-же Заруднаго, картечью никто изъ насъ не стрѣлялъ.*

В. Де-Сенъ-Лоранъ.